

Александр
Васильев

НеВерный
МУЖ МОЕЙ
Подружки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2

18+

Ашира Хаан
Неверный муж моей
подруги. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69450736

SelfPub; 2023

Аннотация

Я – любовница мужа своей подруги. Он – неверный муж моей подруги. И чем это все кончится? Если счастье для всех возможно, то достойны ли мы его? Все мы. Все четверо.

Содержание

Сейчас. Двадцать седьмой день без Германа	5
Сейчас. Я умираю без тебя	11
Сейчас. Лана, ты мне нужна	23
Сейчас. Чего ему не хватало?	30
Тогда. Хватает	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ашира Хаан
Неверный муж моей
подруги. Часть 2

Сейчас. Двадцать седьмой день без Германа

Двадцать седьмой день без Германа.

Я уже научилась, приезжая на работу и уезжая с нее, не искать взглядом серебристый «лексус». Научилась, проходя мимо банка, не вглядываться сквозь стекла в общий зал, в надежде заметить высокую фигуру. Научилась не думать о нем каждую минуту – бывает, что так увлекаюсь рассказом о новых отелях клиентам, что ничего не трепыхается в сердце целый час, а то и два.

Но я снова курю.

Тайком от мужа. Прячу пачку сигарет на работе, выбегаю в курилку недалеко от входа, стараюсь не курить за пару часов до возвращения домой.

Пока никто ничего не заметил. А мне легче – еще одно занятие, новая привычка в новом мире, не связанном с Германом.

Это случается именно сегодня. На двадцать седьмой день к торговому центру подъезжает сверкающий черный «мерседес» и из него появляется Герман. Я стою в стороне у входа,

курю, щурюсь на яркое солнце и не ожидаю такой подставы. Жизнь в тот момент кажется мне не самой плохой штукой на свете.

Но я узнаю его спинным мозгом, поворачиваясь к дороге ровно в тот момент, когда открывается задняя дверца машины. И когда черный ботинок касается черного, расплавленного от жары асфальта, я уже точно знаю, кто это.

Я выдыхаю сизый дым – и забываю вдохнуть. Сердце начинает биться гулко, словно в пустой цистерне. Его я слышу всем телом, а вот прочие звуки вдруг отдаляются, и даже шум дороги и реклама, жизнерадостно орущая из динамиков ТЦ слышны как сквозь вату.

Герман не заходит внутрь – он останавливается и заговаривает с кем-то. Я даже не могу понять, с кем, потому что единственный человек в фокусе – он сам. Остальной мир расплывается и видится дрожащими разноцветными пятнами.

Машинально подношу к губам сигарету, втягиваю дым – и кашляю от вкуса пепла, забившего рот. Она давно погасла, у меня в пальцах только разваливающийся фильтр.

Зажатый в другой руке телефон взрывается мелодией Summertime Sadness, стоящей у меня на мужа. Хватаюсь за него, словно пытаюсь придушить и не с первого раза нахожу кнопку выключения. Мне кажется, сейчас Герман услышит мелодию, повернется ко мне и...

И что?

Телефон снова начинает вибрировать, и я подношу его к уху.

– Привет, – говорит Игорь. – Только что звонили из опеки. У них есть девочка, на днях будет суд по лишению родительских прав. Надо забрать ее как можно скорее, чтобы она не успела попасть в систему. Если мы согласны, надо ехать.

Мне надо сосредоточиться и понять, о чем говорит Игорь. Какие-то самые важные нейроны, синапсы и прочие электроны с кварками собираются в сложные фигуры, как команда чирлидеров и машут мне помпонами – слушай, слушай, слушай!

Я честно пытаюсь.

– Где-то через месяц, может раньше, – говорит Игорь. – Нам очень повезло, как раз того возраста, как мы хотели, очень красивая.

– Угу, – говорю я, ничего не слыша.

К Герману подходит другой высокий мужчина в костюме, весь седой, пожимает ему руку, они кивают друг другу. Водитель возвращается за руль, и черный «мерседес» въезжает на подземную парковку.

– Только у нее третья группа здоровья, – говорит Игорь. – Мне тут прислали целый ворох выписок, я никак не разберусь. Очень извинялись, говорили, что у них записано, что мы хотели не тяжелее второй. Но зато девочка не из системы, у нее не будет психологических проблем детдомовских,

может, полегче все пройдет. Да и реабилитация поможет.

– Угу, – говорю я.

Герман поворачивается в мою сторону, и я застываю, словно кролик в свете фар. Сейчас он меня заметит. Может быть, он уже меня заметил. Его движения замедлились. Издалека не видно – то ли он внимательно слушает собеседника, то ли смотрит прямо на меня.

Я ничего не чувствую. Я бы, наверное, почувствовала, если бы он смотрел на меня?

– Только я через две недели уезжаю в командировку, – говорит Игорь. – Как надолго, не знаю. Давай сразу решим, что поедешь ты. Справишься? Это небольшой поселок рядом с районным центром, там даже гостиница есть.

– Угу, – говорю я.

Герман подхватывает своего собеседника под локоть, разворачивается и уводит его в недра ТЦ. Тяжесть бетонной плиты, навалившейся на грудь, исчезает так внезапно, что я от облегчения прислоняюсь плечом к стене. Зато возвращается вакуум – дыра на месте сердца вытягивает все силы. Последние двадцать семь дней я непрерывно слышу в ушах свист ветра, несущегося сквозь эту дыру.

Меня нет. Есть только она.

– Лан, ты же понимаешь, даже если у нее всего лишь вторая группа, придется много ездить по врачам, оформлять кучу документов, – говорит Игорь. – А у тебя очередной сезон, а если не сезон, то проверки. Ей понадобится поддержка по максимуму первое время, ты не сможешь и работать, и заниматься ею одновременно.

– Угу, – говорю я.

Мне теперь страшно возвращаться. Служебные коридоры, лифты, эскалаторы, толпы людей, текущие мимо магазинов – все это зона риска. Я в любой момент могу столкнуться там с Германом. А я не хочу. Не хочу.

– Может, продать твоё агентство? – говорит Игорь.

– Угу, – говорю я. – Стоп, что?!

– Ты сама говорила, что твоя Тина не потянет, все развалит. Продашь сейчас как успешный бизнес, потом, когда время появится, купишь себе еще что-нибудь, если захочешь. А так ты будешь нервничать только, глядя как твоё дело разваливается.

Я прихожу в себя, и вся информация, которой заваливал меня муж, наконец догоняет меня в полном объеме. Я все слышала, я даже все понимала, но сейчас вспоминаю его слова, словно давным-давно просмотренный фильм.

Девочка, поселок, родительские права, третья группа...

– Стоп, Игорь! Почему позвонили именно нам? Поближе никого не нашлось?

– Сказали, что в школе приемного родителя ты показалась самой ответственной и мотивированной и когда выбирали, кому предложить девочку, решили, что это будешь ты.

– Игорь! Слушай! Это хорошая идея, но давай сначала все обсудим, хорошо? Вечером! Мы же не готовы еще толком!

– Почему не готовы? Мой кабинет отдаем мальчишкам, я буду работать в гостиной, а в детской сделаем ремонт...

– Когда? Какой ремонт? Игорь! Давай вечером, ладно?

– Ладно, конечно! Но ведь как хорошо складывается, согласись? Три года девочке, как мы и хотели!

– До вечера!

Я выключаю телефон и тороплюсь ко входу в торговый центр. До меня вдруг доходит, что Герман может спуститься сразу в подземный гараж и уехать, а я его так и не увижу.

А мне очень, очень, очень надо увидеть его хотя бы изда-лека.

Сейчас. Я умираю без тебя

Каждое утро с просыпаюсь с горящим под веками отсчетом – сколько дней прошло с тех пор, как я последний раз видела Германа.

Каждое утро, еще не открывая глаз, я отмечаю очередной день без него на внутреннем календаре.

Кажется, в детстве я видела какой-то советский фильм про алкоголика, которого укусила собака, поэтому ему надо было делать сорок уколов в живот от бешенства и все это время не пить. Он отмечал каждый день на календаре, зачеркивая их жирными черными крестами.

Больше ничего из того фильма я не помню.

У меня в голове такой календарь – он висит на стене замызанной кухни, и каждое утро я зачеркиваю на нем очередной день жирным черным крестом.

Разница между мной и опустившимся алкоголиком из старого фильма в том, что через сорок дней мне не вернут мою зависимость.

Это теперь навсегда.

За эти двадцать шесть дней случилось слишком много всего.

Умер наш старый кот. Просто остановилось уставшее

сердце, и когда мы отдавали его кремировать, я рыдала так, словно он был моей последней надеждой на лучшее.

Даже немало повидавшие работники похоронной службы для животных полусшепотом посоветовали Игорю вызвать скорую, чтобы мне вкололи успокоительное.

Нельзя так убиваться по коту, сказали они. Особенно при детях.

А я просто выплакивала черное горе, копившееся у меня в душе уже несколько дней.

Я вышла проводить машину и закурила, глядя ей вслед, мысленно извинившись перед котом за то, что использовала его смерть как разрешение плакать при муже и детях.

Ведь по коту плакать можно, а по любовнику нет.

В этот момент Игорь и вспомнил о своей идее взять девочку из детдома.

Вместо кота, надо думать.

Потому что я напрочь отказалась заводить сыновьям собаку, чтобы они «учились ответственности и заботе», как сказал муж.

«Они растут неуправляемыми эгоистами! – сказал он тогда. – Посмотри – они по твоему коту и слезинки не проронили. Вот так и мы умрем, а всем будет наплевать. Я хочу, чтобы хотя бы один ребенок приходил ко мне на могилу».

Я очень смутно помню те дни и до конца не уверена, согласилась я потому, что у меня не было сил на грядущий

многочасовой спор или потому, что надеялась, что после моего согласия муж подарит мне еще одну передышку на полгода.

Если второе – я просчиталась. Игорь развил бешеную деятельность: записал нас в Школу Приемных Родителей, напоминал мне о каждой встрече, добровольно прошел полную диспансеризацию и получил все справки, хотя обычно терпеть не могу связываться с бюрократией.

Он сильно изменился. По выходным вытаскивал меня с сыновьями на прогулки в парк, вечерами затевал настольные игры, стал читать книги по психологии и щеголять модными фразочками «я вижу, что ты не в ресурсе».

Словно что-то почувствовал.

Слишком часто смотрел на меня долгим взглядом, в котором читалась жалость.

Но как он мог узнать?

Как?

– Что происходит? – не выдержала я однажды вечером, когда Игорь встретил меня с работы собственноручно приготовленными роллами и грушевой шарлоткой. – Я неизлечимо больна и врачи сообщили об этом только тебе? Ты проиграл нашу квартиру и нас в покер самому главному бандиту города? Ты изменил мне с моей сестрой-близнецом, о кото-

рой я не знала?

– Ничего, – пожал плечами муж. – Просто люблю тебя.

– В субботу ты мне подарил любимые духи, хотя там еще полфлакона есть, за день до этого дал мне отдохнуть, забрав детей в аквапарк. Сейчас... это. Что случилось?

– Я просто подумал, что если буду все время на тебя ругаться за переработки, ты вряд ли захочешь возвращаться домой пораньше. А вот попробуй шарлотку – мне кажется, это причина лучше.

Он подошел ко мне, обнял и устроился подбородком на моей макушке, как всегда любил это делать когда-то. От этого давно забытого жеста у меня выступили слезы на глазах. Глухое раздражение, которое Игорь вызывал у меня в последнее время, вдруг резко, щелчком переключилось на жалость и чувство вины.

Я обняла его за пояс, прижалась головой к груди и попробовала вновь ощутить ту близость, что была между нами всегда. Он ведь дарил мне когда-то тепло, которого мне так недоставало всю мою жизнь. С самого детства.

Мама моя не любила обниматься и даже когда делала над собой усилие, начитавшись умных статей о теории привязанности и необходимости телесного контакта с детьми, было очевидно, что она просто терпит.

С подругами обниматься было чуть странновато. Особенно слишком часто. Девичьи обнимашки слишком остро на-

поминали мне дурную сентиментальность из книги «Записки институтки», где героини тискались так, что я подозревала их в плохом.

Парней больше интересовал секс, чем обнимашки, и после него они вообще теряли интерес к прикосновениям.

Только Игорь дал мне столько тепла и близости, что я наконец насытилась ею – впервые за всю жизнь. Он никогда не терпел, никогда не гнал меня, если я залезала «на ручки» и просила утешить меня после нанесенных миром несправедливых обид.

Когда это ушло? Когда я сама стала просто терпеть его объятия?

Его губы коснулись моей макушки так нежно, что по коже разбежались мурашки.

Потом дотронулись до кончика уха.

Потом скользнули по шее...

А потом я вывернулась из его рук и бодрым голосом сообщила:

– Пойду сообщу Никите и Макару, что я все равно слышу, как они строят планы тайком купить себе хомячка вместо собаки! Ну и заодно загоню их спать.

И сбежала, в очередной раз оставляя Игоря растерянно смотреть мне вслед.

Восьмой месяц без секса. Я его понимаю.

Возможно, однажды меня отпустит, и я снова захочу лечь в постель со своим мужем.

Или нет – и Герман останется моим последним мужчиной. Почему-то это не кажется трагедией. Я всегда понимала средневековых дам, хранивших верность своим рыцарям, давным-давно забывшим о них в объятиях других красавиц. Есть в этом какая-то глубокая внутренняя красота.

Меньше минуты я смотрела на Германа. Меньше пяти секунд он смотрел на меня.

Если вообще на меня.

Но этого времени хватило, чтобы завести меня так, как ни разу не удавалось мужу.

Его прикосновения в последние месяцы вызывают у меня только отвращение, а взгляд Германа заставил кровь бежать быстрее, мышцы сокращаться, а тепло – приливать к низу живота и щекам.

Я задыхаюсь, потому что сердце пытается стучать как можно быстрее.

Чтобы догнать его, найти, увидеть.

Хотя бы издалека – но даже одна мысль о том, что мы всего в сотне метров друг от друга, зажигает внутри меня огонь, потухший, казалось, навсегда.

Я уловила всего пару жестов – но это знакомые жесты.

Они напоминают мне о том, как Герман умеет двигаться – мягко, но неумолимо, настойчиво, но вкрадчиво, спокойно, но пряча внутри могущественную силу, готовую вырваться в любую секунду.

Он двигался так рядом со мной, он двигался так – во мне. И цепочка ассоциаций раскручивается от одного его поворота кисти, таща с собой по инерции воспоминания о холодном запахе розмарина, о резком и частом дыхании на ухо, заканчивающимся коротком стоном, о том, как захватывает дух, когда вот этот поворот кисти случается между моих бедер.

Обхватываю горло пальцами, чтобы сглотнуть выскакивающее наружу сердце – и память бьет наотмашь, напоминая, как на мою шею ложилась властная мужская рука.

Я мечусь по торговому центру, как заполошная курица, бросаясь то в одну сторону, то в другую и моментально передумывая.

Оказавшись возле агентства, забегаю туда, киваю Тине и предлагаю:

– Кофе принести?

Она смотрит на меня огромными глазами. Наверное, то еще зрелище – после четырех сонных недель, я снова на взводе, дерганая, покрасневшая и слишком громкая.

Не слушая ответа, быстрым шагом направляюсь на сосед-

ний этаж.

Ведь только на кофе-точке рядом с банком делают настоящий колд-брю с сиропом из цветов апельсина.

Тине понравится этот кофе!

Нервно приплясывая, стою в очереди. Выкручивая шею, жадно всматриваюсь в отсветы стеклянных перегородок и дверей банка. Там сегодня на редкость сонная атмосфера – совсем не похоже, что работники сегодня виделись с самым главным начальством.

Куда же направился Герман со своим седым собеседником?

В администрацию?

В какой-нибудь из дорогих ресторанов на последнем этаже?

Или они обсуждают дела в одном из сотен магазинов и бутиков?

Кофе со льдом обжигает холодом пальцы, пока я оббегаю этаж за этажом, даже не пытаюсь придумать причину, по которой я это делаю.

Я сдаюсь. Причины нет.

Просто я настолько соскучилась, что готова на все, чтобы увидеть Германа.

Силы покидают меня где-то в районе атриума на первом этаже. Как я туда попала, и почему у меня в руках все еще греется кофе для Тины – не имею понятия.

Присаживаюсь на край фонтана, потому что ноги уже не держат, и отхлебываю ледяной кофе с запахом духов. Странный вкус.

Включаю телефон и смотрю в пустой экран нашего с Германом диалога.

Пальцы зудят от желания написать: «Я соскучилась».

Борюсь с этим желанием изо всех сил.

У нас почти получилось. Никогда еще наше расставание не было таким долгим, никогда еще мы не были так близки к тому, чтобы все исправить – в тот момент, когда уже все испортили.

Однажды я совершила совершенно непростительную подлость.

Мы с Полиной договорились выпить вместе в ирландском пабе. В тот вечер моя совесть уже не была чиста, но мы с Германом уже три дня не разговаривали. Я сбегала из его офиса, насквозь вымокнув под холодным апрельским дождем и еще шмыгала носом, не вылечив до конца легкую простуду. Поэтому пила подогретое пиво с медом и слушала болтовню радостной Полины.

– Если б мы с тобой еще неделю назад не договорились выпить, я бы все отменила, – говорила она, приканчивая третью кружку светлого эля, легкого, как сливочный лимонад. – Муж как раз завершил сложный проект и перестал задерживаться по вечерам. Мы даже на концерт успели сходить!

– Молодцы! – кивала я, изо всех сил выпихивая из сердце жгучее чувство обиды, что Герман не тоскует по мне, а смеет развлекаться с любимой женой. Совесть, обида, ревность и стыд сменяли друг друга быстрее, чем картинки в кружащемся калейдоскопе. Он кружился у меня в голове – темное-светлое-разноцветное. В ушах звенело, в сердце болело.

– Слушай, та-а-а-ак классно быть замужем! – Продолжала делиться Полина. – Помнишь те жуткие времена юности, когда напиваешься и с трудом держишь себя в руках, чтобы не написать лишнего какому-нибудь бывшему или будущему? Какое счастье, что сейчас можно написать все это лишнее мужу!

Она схватила телефон, лежащий рядом на столе и принялась листать контакты:

– Вот прямо сейчас и напишу! Он дома сидит, тоскует, ругается с телевизором, а тут я такая: «Я скучаю по тебе». А? А ты кому? Тоже мужу?

– Тоже... – едва шевеля языком, ответила я. – Тоже...
И нажала кнопку отправки.

Тоже. Герману.

Только мое сообщение было иным.

«Я умираю без тебя».

Мой хмельной организм, не спросив моего разума, решил поставить его перед выбором.

На чье сообщение ответить?

Мое или ее?

И что сделать?

«Приезжай в офис», – получила я тогда ответ.

Гулкий удар колокола выбил весь хмель из головы, оставив лишь звенящую пустоту и захватывающее дух счастье.

– Что там у тебя? – попыталась засунуть нос в мой экран Полина.

– Игорь пишет... – судорожно попыталась соврать я. – ... пишет, что у Макара что-то температура поднялась. Поль, слушай, я поеду?.. Не обидишься?

Откуда ей было знать, что виноватые нотки в моем голосе – не просто дань вежливости?

– Нет, конечно! – обрадовалась она. – Даже хорошо! Сейчас напишу Герману, что я освободилась и мы можем продолжить с ним!

Пока мы ждали такси – она в одну сторону, я в другую – она хмурилась и кусала губы, глядя в экране телефона.

– Что такое? – спросила я.

– У него вдруг срочная работа нарисовалась, – пожаловалась она. – Представляешь, как не вовремя?

Я представляла.

Летела к нему, забыв в такси платок, спотыкаясь обо все пороги на пути к темному кабинету в пустом офисном центре.

Сквозь ложь, вину и пронзительное счастье – которое случается невероятно редко.

Когда впервые нарушаешь строгую диету.

Когда выкуриваешь первую сигарету через три дня после того, как твердо решила бросить.

И когда возвращаешься к любовнику, с которым клялась никогда больше не видеться и едва вытерпела эти три дня.

Сейчас. Лана, ты мне нужна

Я никогда не знала, увидимся ли мы с Германом завтра, послезавтра – или не увидимся вовсе.

В любой момент я могла зайти в наш диалог ВКонтакте и обнаружить равнодушную плашку «Вы не можете отправить сообщение этому пользователю».

Это значило, что где-то там, на одном из самых высоких этажей офисного центра борется с собой Герман.

Или я сама нажимала «Заблокировать» и смотрела, как мигает зеленый огонек онлайн – Герман заходил раз в полчаса, выходил и снова заходил.

А у меня светилась заглушка «Вы добавили Германа Панфилова в черный список».

И он понимал – теперь моя очередь справляться с собой.

Иногда мы решали вместе – в этот раз окончательно все. Последний поцелуй, хлопнуть дверцей, уйти, не оглядываясь, услышать рев мотора за спиной и взвизг шин.

Постараться не заплакать.

А ему – постараться не впилиться в столб, пока он намазывает один за другим штрафы за превышение скорости.

Тогда никто из нас никого не банил.

Мы смотрели в окно диалога и ждали, кто сорвется первый.

Кто-нибудь обязательно срывался.

Печатал: «Давай сегодня в семь».

А другой отвечал: «в моем офисе» или «забери меня с работы».

Никаких нежностей, никаких «я тебя люблю».

Всегда очень нейтрально.

Как будто за нами следят.

Каждая встреча могла оказаться последней.

Мы могли договориться встретиться завтра, а ночью забанить друг друга в очередной раз.

Навсегда.

Или вечером, прощаясь в машине, прошептать:

– Знаешь... Тебе не кажется, что...

– Кажется.

– Значит – прощай?

– Прощай.

А наутро после очередного окончательного «прощай» я читала в сообщении номер рейса – и мчалась к окончанию посадки, самой последней заскакивая в самолет и падая в кресло бизнес-класса рядом с Германом.

Он протягивал мне бокал шампанского, я выпивала его залпом, не успев отдышаться – и так начиналась наша очередная «командировка».

Впрочем, для него это были настоящие командировки. Он всегда тратил не меньше половины дня на работу, уезжая куда-то или устроившись с ноутбуком за гостиничным столом.

Я укладывала босые ступни ему на колени, и он машинально поглаживал их прохладными пальцами, разговаривая с кем-то по видеосвязи или хмуро всматриваясь в причудливые графики на экране.

Мне искать алиби было сложнее. Но тут вовремя подоспела мода на внутренний туризм. Туроператоры взялись за развитие этого направления и с радостью получали мои отчеты из провинциальных городов, где я осматривала лучшие гостиницы и общалась с местными экскурсоводами, пока ждала Германа, ведущего переговоры в единственном на весь город ресторане с белыми скатертями и хрусталем.

Теперь же...

Уже двадцать восемь дней никто не писал мне номер рейса, время встречи или короткое: «Лана, ты мне нужна». Без сердечек и смайликов, вполне деловое сообщение – я такие регулярно пишу помощнице: «Тина, ты мне нужна».

Только вот от Германа это звучало совсем иначе. Сколь-

ко бы раз он так ни написал, читая эти слова, я неизменно ощущала остро-сладкий укол в сердце.

«Лана, ты мне нужна».

На следующий день после визита Германа к нам, когда я так и не нашла его во всем огромном торговом центре, мне приснился странный сон. Будто я забыла, что у меня есть еще один телефон, тайный. Простая китайская звонилка, которую я прячу в подъезде нашего дома между третьим и четвертым этажом – за батареей. И вдруг вспомнив об этом выскакиваю из постели прямо в футболке и трусах, несусь вниз по лестнице, оставив дверь открытой, достаю этот телефон и вижу на нем смс:

«Лана, ты мне нужна».

И геометка.

На которую я нажимаю, не глядя, вызываю туда такси, прыгаю в машину, и она везет меня долго-долго. Заезжает в лес на окраине города, пробирается по разбитой дороге, наконец застревает в какой-то яме. Водитель выходит из нее, достает из багажника моток веревки, открывает дверь и говорит мне:

– Выходи. Тут недалеко осталось.

– А веревка зачем? – спрашиваю я.

– Велено привязать тебя к дереву, чтобы не сбежала, пока

он не придет.

– Кто – он? – пугаюсь я.

– Волк. Страшный серый волк, – серьезно отвечает водитель и начинает тянуть меня за руку из машины.

На этом я просыпаюсь в тишине нашей супружеской спальни. Игорь спит, укрывшись одеялом с головой, за окнами только занимался серый рассвет, а я...

Борюсь с собой, чтобы не броситься к батарее между четвертым и третьим этажом и не проверить – вдруг там и правда спрятан телефон, на котором меня ждет сообщение от Германа, что я ему нужна?

И все-таки не выдерживаю. Ощущая себя полной дурой, спускаюсь пешком, не дожидаясь лифта. Разумеется, никакого телефона за батареей нет. Выхожу на улицу и вызываю такси – наверное, отзвуком кошмара и затаенной надеждой, что таксист отвезет меня в лест к страшному серому волку и можно будет перестать беспокоиться обо всем этом треше.

Мой телефон в сумке начинает вибрировать, и я долго роюсь, совершенно ничего интересного от него не ожидая.

Но он еще умеет удивить.

– Привет, – сдавленным голосом говорит в трубке Полина. – Что ты сегодня делаешь?

– Работаю, – честно отвечаю я, закрывая глаза и позволяя холодным волнам страха пройти через меня и молясь, чтобы они не содрали с меня шкуру.

– А, точно... – убито отвечает она, и я слышу в ее голосе плывущие нотки опьянения. – А вечером? Давай встретимся и выпьем, Лан, а? Я не могу больше это все... одна.

Я закрываю динамик телефона и хрипло смеюсь, выталкивая из горла каркающие звуки в потолок машины. Чувствуя себя слишком безумной для этого мира.

Если я поеду бухать с Полиной – история повторится и Герман вернется?

Нет, в этот раз все иначе. В этот раз она знает, что у него есть любовница и разговоры будут вовсе не о том, как прекрасно быть замужем и ни о чем не беспокоиться.

Может быть, мне и надо поехать. Посмотреть на то, какую боль я причиняю человеку, который ничего плохого мне не сделал. Прочувствовать ее до конца – и продержаться еще двадцать восемь дней. И еще двадцать восемь. И еще тысячу, две, три тысячи дней без Германа.

А там, глядишь, отпустит.

– Давай в шесть рядом со мной, – говорю я Полине. – Я скину адрес.

И все-таки, когда я кладу трубку, одна маленькая и слишком умная часть меня шепчет на ухо – ты ведь согласилась не для того, чтобы удержаться. Ты согласилась, чтобы узнать, что происходит с Германом.

Как бы мне ни хотелось себя обмануть – перестать слышать эту часть не получается.

Сейчас. Чего ему не хватало?

Когда-то давно я думала, что жизнь – очень простая штука.

Вот правильные поступки – а вот неправильные.

Просто делай то, что правильно и не делай того, что неправильно.

Вот и весь секрет счастья.

Первой проблемой стало определить конкретно: что правильно, а что неправильно.

Как ни странно, в одеяльце, в котором меня забирали из роддома, никто не подложил полное руководство по проживанию жизни. Так что достоверного источника у меня не было.

Приходилось верить людям на слово.

Но чем старше я становилась, тем чаще возникал вопрос – а почему я верю именно этим людям? И откуда они черпают свои знания?

Почему чьи-то чужие представления о том, как правильно, должны управлять моей жизнью? Моей?

С этого момента подчиняться чужим правилам я уже не могла, пока мне не объясняли их смысл. «Ну, просто так при-

нято» и «Так надо» за объяснения не считались.

Как-то вдруг в тридцать лет оказалось, что я теперь совершенно не знаю, как правильно.

И, главное, никто не знает. Не у кого спросить.

Единственный ориентир, который я нашла для себя – не делать людям больно.

До сегодняшнего дня мне удавалось как-то держаться за призрачную надежду, что хоть это у меня получается.

Но когда Полина входит в бар в темных очках в девять вечера, сразу останавливая пробегающую мимо официантку, чтобы попросить бутылку вина, и снимает их, только сев за стол, я понимаю, что обманывала себя.

Ничерта у меня не получилось.

– Что, настолько хреново выгляжу? – она трет красные заплаканные глаза, не замечая, что размазывает остатки туши. – Да, Лан, теперь все мои сорок налицо. Раньше была женщиной без возраста, а теперь он мне отомстил.

Я сжимаю ледяными пальцами бокал со светлым пивом – пьянеть не хотелось, только поговорить. Но, кажется, чтобы догнать ее, надо уже заказывать водки. Она пьяна так глубоко, как бывает лишь на третий-четвертый день возлияний. Не запоя, нет. Просто безостановочного вливания в себя ал-

коголя.

Мешки под глазами, уставшая серая кожа, морщины на лбу – все исправимо, но всего этого не было еще месяц назад.

– С Маруськой все нормально? – мне нужно промочить горло элем, чтобы суметь выдавить из себя хотя бы этот вопрос.

Полина отмахивается:

– Ерунда. Даже зашивать не пришлось, больше визгу было.

– Хорошо... – тупо бормочу я, не зная, что еще сказать.

Несколько глотков пива меня спасают.

В любой другой ситуации я бы уже сбежала. Но сейчас нет ничего важнее, чем узнать, что происходит с Германом. Я готова выжимать из Полины каждое слово любыми неконвенциональными методами. Мне слишком нужно знать.

– Лан, я сама себя не узнаю... – Полина дожидается свою бутылку вина и смотрит на то, как официантка наполняет бокал, непроизвольно облизывая губы. – Представляешь, отняла у него телефон и сама отправила ей сообщение – расстаемся, мол.

– А она? – спрашиваю я, балансируя между равнодушным знанием о том, что «она», то есть я, промолчала, и имитацией интереса для правдоподобности.

– Не знаю. – Полина делает несколько жадных глотков и только потом обращает внимание на официантку, которая ждет, пока она что-нибудь закажет. – Я еще подумаю, – говорит она ей. А мне: – Герман забрал телефон обратно и молчит.

– В смысле – молчит? – удивляюсь я. – Он же, получается, теперь в курсе, что ты все знаешь?

– Да.

– И вы до сих пор не поговорили об этом? За месяц?

За двадцать восемь бесконечно долгих дней.

Полина улыбается. Горько, страшно, как-то слегка безумно. Рубиновое вино запеклось кровавыми корками у нее на губах, она трогает их кончиком языка и мотает головой.

– Мы не разговариваем, Лан. Мы теперь только орем. Тем вечером мы поругались в первый раз за десять лет. Страшно, чудовищно поругались, Лан. Отвратительно. Я на него орала, какой он мудака и испортил мне жизнь, он на меня орал...

Герман – орал?

Хочу сказать, что невозможно представить орущего Германа, но потом вспоминаю историю с парковкой и его угрозами тому мужику и прикусываю язык.

Возможно. Все возможно

Изменяющий Герман, орущий Герман...

Как много нового мы узнали в этом году о Германе.

– Ну он хоть покался? Просил прощения? – продолжаю пытаться я.

– Нет, Лана! Нет! Ничего он не просил! Он просто орал на меня! – нервные пальцы Полины так стискивают тонкую ножку бокала, что я боюсь – она его сломает. – А потом ушел спать в гостиную. То есть, я по утрам теперь должна успеть встать до того, как проснется Маруська, чтобы его разбудить и успеть убрать постель. А то она заметит и будет задавать вопросы.

– А про то, что вы орете, она вопросы не задает?

– Мы стараемся не при ней...

Полина отпивает вина и сама доликает бокал доверху. Она из тех женщин-волшебниц, у кого бокалы всегда остаются кристально прозрачными, чистыми, не заляпанными пальцами. У меня такое колдовство никогда не выходит.

Даже сейчас, когда Полина сходит с ума от боли, она умудряется оставаться изысканной и красивой в своем горе. У меня ни за что не получилось бы так держать лицо, так красиво пить уже далеко не первую бутылку вина, и даже стареть от страданий – благородно.

Ловлю себя на том, что никак не могу вообразить себе

настоящие скандалы Германа и Полины. В моей голове они лишь слегка повышают голос друг на друга и сжимают побелевшими пальцами спинку стула или золотой «паркер», сверля друг друга яростными взглядами.

– Он с ней расстался?

Это очень логичный вопрос от сочувствующей подруги. Нет? Да? Не знаю.

Я все равно его задаю, потому что мне нужно знать.

– Я не знаю! – почти выкрикивает Полина. – Не знаю! Я, как безумная ищейка, проверяю каждую смс на его телефоне, принохиваюсь к пиджаку, ищу на нем чужие волосы. Сажусь в машину и сразу оглядываюсь – вдруг она что-то тут забыла? Если он задерживается на работе, я названиваю ему каждые пять минут! Он орет на меня, а я все равно звоню!

– Ты спрашивала?

Она смотрит на меня, проводит дрожащей рукой по лбу, отводя волосы в сторону.

– Не знаю! Я пыталась. Но мы каждый раз вдруг переходим к миллиону претензий друг к другу! Мне кажется...

Вот с этого момента я больше не хочу ее слышать.

Эгоистично. Подло. Да.

Не хочу.

Раньше мне удавалось с ней видеться, не думая каждую секунду о том, что вот, ее муж изменяет ей – со мной.

Герман и я были отдельно.

Полина и я – отдельно.

Первый раз, когда она позвала меня погулять по зимнему парку после того, как Герман увез меня в свой офис и там цинично поимел, как замену Нелли.

Я не хотела идти и отмазывалась как могла. Какая уж тут дружба, если я могу двумя словами разрушить ее идеальный брак – и мне даже не будет жаль, потому что Герман, считала я тогда, не заслуживает такой жены, как Полина.

Но мы всегда общались с ней чуть отстраненно, через молчаливую паузу. Я любила записывать кружочки для чата с подружками, Полина делала селфи со всеми интересными объектами в поле зрения и копировала всем своим знакомым длинные простыни текста, в которых делилась впечатлениями.

А вот друг с другом мы разговаривали только вживую, а потому – редко.

Зато откровенно.

Только ей я могла рассказать что-то, за что меня точно осудили бы и подружки, и мама, и муж. Самые сокровенные темные тайны из глубины души, которые отгоняешь как дурные сны, если они всплывают на поверхность.

Например, о том, что во время беременности мне снились очень горячие сны с моим рок-музыкантом и бывали дни, когда я по пять раз ревела, потому что скучала по нему.

Конечно, я помнила, что он ужасен – но сны и слезы приходили все равно.

Только поэтому я все-таки поехала тогда на встречу с ней, и мы два часа прогуляли по засыпанному снегом парку с горячим глинтвейном в пушистых варежках, говоря о какой-то совершеннейшей ерунде. А у меня осталось ощущение, что я все-таки ей что-то рассказала. Пусть и не словами.

Потому что на прощание она обняла меня и сказала вполголоса:

– Ты слишком много всего чувствуешь и от этого устаешь. Но в этом твоя сила.

Сейчас ее очередь говорить мне самое сокровенное, а моя – выслушивать.

– Мне кажется... – говорит Полина глухо. – Что если бы он просто бросил меня, а еще лучше – умер, мне было бы почти

все равно. Лишь бы Маруське хуже не стало. Но то, что он предпочел другую... Знаешь, Лан, я и не думала, что глубоко внутри меня живет эта мещанская, бабская собственническая ревность. Лучше пусть сдохнет, чем достанется другой!

– Я тебя понимаю, – говорю я.

Потому что правда понимаю. Сочувствую. Чувствую так же.

– Почему, почему, почему он это сделал?! – Полина начинает плакать. Надевает обратно темные очки, снова снимает, ерошит волосы, превращая прическу в воронье гнездо. Выливает из бутылки последние капли в свой бокал и допивает их, захлебываясь слезами. – Я бы хотела знать, что я сделала не так! Чего ему не хватило?

Я бы тоже хотела.

Серьезно.

Хотела бы знать, почему с нами это случилось.

Чего ему не хватило, почему он сломался?

Однажды мы с ним даже говорили об этом.

Тогда. Хватает

Мы снова встретились у него в офисе. Как весь последний месяц – раз или два в неделю, как получалось. Только для секса. Всегда только для секса.

Герман ждал меня в дверях кабинета, жадно целовал, размазывая помаду, нетерпеливо сжимал грудь, задира л юбку, запуская пальцы между ног.

Иногда он уже трахал меня пальцами одной руки, пока второй запира л кабинет, словно не мог потерпеть даже жалкие три секунды.

Первый раз всегда был такой – толком не раздевшись, торопливо, бешено. У стены, у двери, на полу.

И только после этого – пауза.

Время, чтобы расстегнуть его рубашку или снять мое платье. Выбросить порванные колготки, стереть размазанную по лицу помаду.

Поговорить.

О чем?

В тот день Герман сидел, откинувшись на спинку дивана. Как всегда в полутьме. Мы никогда не зажигали свет, и он

всегда его гасил, когда ждал меня.

Его одежда была в беспорядке: галстук съехал набок, ширинка расстегнута, из нее торчал край рубашки, а ему на это было наплевать. Он смотрел в темное окно и думал о чем-то своем.

Я же, как обычно, стаскивала колготки, на сей раз для разнообразия оставшиеся целыми и думала, что пора начинать носить чулки. А трусики, наоборот – не носить. Особенно, когда еду к нему. На юбку попали капли спермы, и я дотянулась до спиртовых салфеток, валяющихся на столе, чтобы их стереть.

На мне была только длинная блузка, прикрывающая бедра, и когда я нагнулась над столом, Герман повернул голову – я почувствовала его взгляд.

Мне ничего не стоило наклониться чуть ниже и открыть ему куда более откровенный вид, но я терла юбку салфетками и старалась держать бедра сведенными, чтобы оставаться в самой скромной из доступных поз.

Это был такой флирт. От обратного.

Я развернула руку запястьем вверх и снова посмотрела на татуировку – «Nevermore». Как мы оказались в этой ситуации? Почему обещание не сработало?

Или оно сработало слишком буквально?

Каждый раз, когда Герман выдыхал, покидая мое тело,

оставляя вместо себя горячую пустоту, я царапала пальцами свое запястье и думала: «Больше никогда». И знала, что это может быть правдой. Что никогда больше это не повторится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.